

ОТЗЫВ
на диссертацию Н. Н. Грибова
«Нижний Новгород и его округа во время формирования единого
русского государства», представленную на соискание
ученой степени доктора исторических наук
по специальности: 5.6.3. Археология (исторические науки)

Рецензируемая диссертация Николая Николаевича Грибова «Нижний Новгород и его округа во время формирования единого русского государства», посвящена актуальной теме – реконструкции исторических событий, начавшихся в конце XIV в., приведших к образованию единого Русского государства, одним из ключевых моментов в котором было включение в Московское царство земель Нижнего Новгорода и подчинение нижегородских князей Великому князю Московскому. События эти происходили на фоне совершенно новой политической ситуации в регионе, сложившейся после монгольских завоеваний и образования Золотой Орды во второй – третьей четверти XIII в. и принявшую особую остроту в конце XIV – начале XV в. когда она осложнилась политической борьбой русских князей за ярлык на Великое княжение.

Как отмечал, П.Н. Грибов, *«на примере Нижнего Новгорода могли быть выработаны способы реализации политических решений, приёмы социальной адаптации, задействованные при последующей интеграции земель Великого Новгорода, Твери, Пскова, Рязани, Поволжья и Приуралья»* (автореф. С. 3), с чем можно полностью согласиться.

Особенностью данной диссертации, отражающей её сложность и оригинальность, является комплексный характер проведенного исследования – базисные археологические материалы интерпретируются через призму исторических событий, с привлечением данных письменных источников (дисс. С. 11-13). При этом, П.Н. Грибов сконцентрировал внимание на тех археологических сюжетах, как, впрочем, и областях исторических штудий, которые во многом носят дискуссионный характер и

раскрыть их возможно только на сравнительном анализе материалов разного характера и происхождения. Эти сюжеты касаются, например, археологии самого Нижнего Новгорода, земель Нижегородского княжества в рассматриваемый период. Сюда же можно отнести и основные тенденции в развитии городской территории средневекового города, которая современниками отождествлялась с Нижним Новгородом, изменении её функциональной структуры, а также динамике заселённости нижегородской сельской округи. И, как считает Николай Николаевич, *«обусловленности всех этих процессов, их взаимосвязи с происходившими тогда социально-политическими переменами»* (автреф. С. 5).

Цель исследования: реконструкция тенденций в историческом развитии Нижнего Новгорода и его земель в период присоединения к Великому Московскому княжеству и последующей интеграции в единое Русское государство (днее. С. 10), объективно отражает весь спектр проблем, которые изучались автором диссертации.

Источниками исследования выступают археологические материалы и письменные сообщения. Археологические источники разнообразны и охватывают как сам Нижний Новгород, так и его округу, изученные как раскопками, так и разведочными обследованиями. Всего было привлечено для анализа около 250 памятников. Активно использовались и архивные материалы. Все это, вместе взятое, создает солидную базу для исследования данной темы. Отмечу, что соискатель активно работающий археолог, во многом своими исследованиями сформировал археологическую часть источниковой базы, ставшей фундаментом диссертации. Это касается и введения в оборот материалов раскопок, в том числе и первых нижегородских находок XV в., разработка региональной хронологии керамики и т.д. (автореф. С. 15). Коллеги могли познакомиться с взглядами Николая Николаевича и основными выводами по его исследованиям по публикациям, в числе которых 68 научных статей, а также монографии

«Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города» (Москва, 2018). Это делает выводы Н.Н. Грибова аргументированными и весомыми, а также подтверждают высокий научный уровень соискателя.

Не вызывают возражений хронологические (конец XIV – начало XVI вв.) и территориальные рамки исследования. Приемлемы методические подходы (локальный, комплексного источниковедения и др.), которые использовал соискатель. Все вышперечисленные положения представлены во **Введении** диссертации Н.Н. Грибова.

Диссертация состоит из Введения, пяти глав, Заключения, Списка использованной научной литературы и источников и списка сокращений (том I: 409 с.) и Приложения (Том II: 337 с.). В последнем имеются данные о местах проведения археологических исследований в историческом центре г. Нижнего Новгорода, каталог памятников Нижегородской области, описание опорных керамических комплексов, списки монетных находок и альбом иллюстраций. Последний включает чертежи, рисунки и фотографии. Отметим, что они очень подробны и выполнены на высоком уровне, соответствуют содержанию исследования.

Первая глава начинается с характеристики территории Нижнего Новгорода в контексте ее археологического изучения. Сжато описан ландшафт, факты о Нижнем Новгороде из Писцовых книг XVII в., уточненные по археологическим исследованиям 1990-х – начала 2000-х гг. История археологического изучения Н. Новгорода разделена Н.Н. Грибовым на несколько периодов, которые он связывает с *«уровнем методической оснащенности, полноте и качеству фиксации материала и с развитием нижегородской археологии»* (дисс. С. 24). Это 1) конец XIX – рубеж 1950-х – 60-х гг.; 2) 1960-е – конец 1980-х гг.; 3) 1990-е – 2020-е. Критерии выбраны достаточно удачно и грамотно, а сама периодизация позволяет оценить динамику накопления и осмысления основных базовых материалов исследования – археологических.

В каком-то смысле, продолжением сюжета об истории археологического изучения Н.Новгорода стал раздел освещающий охват раскопками городской территории, весьма наглядно представляющий развитие застройки пространства средневекового поселения, а также развернутая характеристика культурного слоя памятника. Эта небольшая по объему часть исследования, особенно любопытна, поскольку дает представление о формировании стратиграфической картины памятника и ее особенностях, влияющих на интерпретационные возможности. К последним нужно отнести сильную переработанность средневековых слоев как в кремлевской части, так и на периферии в результате интенсивной городской жизни (дисс. С. 32).

Представляются ценными наблюдения над культурной спецификой памятников восточной периферии русских земель в ордынское время. Н.Н. Грибов утверждает, что приоритетным на этих землях было влияние государственных институтов (как великокняжеских, так и ордынских) на складывание этнокультурной карты этих территорий. Он считает, что *«границы между этническими массивами размывались. Административное вмешательство в традиционный порядок расселения выражалось в виде массовых и скоротечных перемещений зависимого населения, заселения отдельных населённых мест представителями разных этносов, культур и вероисповеданий»* (дисс. С. 37). С этим тезисом можно согласиться, есть примеры подобного и в Булгарской области Золотой Орды, хотя там ситуация была иной и складывалась по-другому, однако наличие могильников мордовского населения с традиционным инвентарем и погребальным обрядом, позволяют задуматься о масштабах этих процессов.

Хочется выделить небольшой сюжет, связанный с топографией селищ ордынского времени Нижегородской земли. Большинство их водораздельные – свыше 60%, а пойменных всего 7% (дисс. С. 39). Комментариев автор исследования не сделал, а между тем, это яркая

специфика данного региона. Так, например, по исследованиям К.А. Руденко, в Булгарской области Золотой орды в тот же промежуток времени, водораздельных селищ практически нет, как в домонгольской Булгарии их известно менее десятка. Водораздельные деревни, по данным этнографа Е.П. Бусыгина появились в Казанской губернии в Новое время и связаны были исключительно с русским населением.

Выделяется тема хронологии материала II. Новгорода, изложенная весьма подробно. Задачей П.П. Грибова было разработка узкой хронологии, по закрытым комплексам из котлованов средневековых построек, выявленных при раскопках в Нижнем Новгороде, учитывая специфику стратиграфии памятника. Основными маркерами, помимо микро-стратиграфических наблюдений являлись керамика и монеты (дисс. С. 42). В продолжении методической части этого сюжета, отдельный раздел – 1.3.2 посвящен систематизации керамического материала по стилистическому и технологическому своеобразию (дисс. С. 43). Стилистико-технологическая классификация керамики позволила соискателю выделить хронологические группы, имеющие связь как с этническими группами населения, например, с мордвой, а также с теми областями Московской Руси откуда они были привезены или заимствованы. Хронологические группы охватывают не только средневековый период, но и Новое время (например, группа III, её вторая подгруппа или группа VI), а с селищ и до XX в. (типы 6 и 7) (дисс. С. 44,45,46, 52). Тем не менее, дальнейшая типологизация керамики дает интересные наблюдения по ее хронологии и выделению хронологических комплексов. Заметим, что керамика комплексов первой половины – середины XIV в., выделенных Николаем Николаевичем, встречается шире, чем нижегородский регион, например, на пойменных селищах низовий Камы. Материалы по хронологии керамики дополняются анализом нумизматического материала, что существенно дополняет полученные данные.

Вторая глава ставит серьезные вопросы исторического плана – история Нижнего Повгорода по данным письменных источников, включавшая его развитие в домонгольское и, особенно, в ордынское время. Прежде всего это касается вопросов возникновения Нижнего Повгорода, точнее заселенности места, на котором он был построен, местным населением – мордвой. Точка зрения автора, о том, что эти земли либо пустовали, либо были слабо заселены (дисс. С. 61), основанная на материалах полевых исследований, заслуживает самого пристального внимания. Обзорный очерк по истории нижегородских земель в XIII – XIV вв., дополняется археологической реконструкцией территории Н. Повгорода в XIII – XIV вв. Интересно мнение Николая Николаевича, что Нижний Повгород строился сразу *«не как сторожевая крепость, а сразу как крупный военно-административный княжеский центр»* (дисс. С. 68), основанное на том, что *«город был заложен в слабо заселённой местности»* (дисс. С. 67) и переселиться сюда на начальной фазе было просто некому, а также проведенному анализу вещевого материала из раскопок, в основном, керамике.

Правда, не очень понятно, что имеется в виду под сельской округой Н. Повгорода в XIII – середине XIV в., поскольку, судя по карте (рис. 33) около города селищ практически нет, а ближайшее (рис. 33, №18) – на расстоянии около 6 км. В сущности, автор описывает ландшафтный регион или микрорегион, протяженность *«с запада на восток составляла минимум 70 км – от берегов правобережных притоков реки Кшимы до устья реки Кудьмы»* (дисс. С. 71). В параграфе 2.4 этот сюжет рассмотрен детально (дисс. С. 81 и далее), хотя к понятию городская округа обширный регион на плато Волго-Окекого Правобережья протяженностью около 200 км трудно отнести. Термин, в данном случае, неудачный. Более подходящим был бы регион, область.

Стоит выделить раздел 2.4.2. «Нижегородское село», где описываются сельские усадьбы, функционировавшие в конце XIII – начале XV вв. с богатым бытовым инвентарём, включавшим дорогие и престижные предметы – глазурованную керамику в большинстве нижеволжского производства, фрагмент металлического зеркала, ключ от миниатюрного замка, ордынские монеты и т.д. раскрывающими вовлеченность населения рассматриваемых поселений в систему товарных отношений этого времени. Если сравнивать с землями болгарской области, то видно существенное отличие в формировании сельской поселенческой структуры этих территориально близких территорий.

Впрочем, в восточной периферии владений нижегородских князей на поселении Курмыш обнаружен комплекс предметов, обнаруживающий близость к памятникам второй половины XIV – начала XV в. Болгарской области Золотой Орды, как городищ, так и селищ. Это т.н. «славяноидная» керамика, чугунные котлы, распространенных в Булгаре типов, глазурованная керамика (дисс. С. 90, рис. 41, 42). Заслуживает внимание мнение Николая Николаевича, на основе материала поселений этой части владений нижегородских князей, об участии в заселении этих земель, помимо русского населения, выходцев из Золотой Орды (дисс. С. 91, 92), которое во многом объясняет зафиксированные факты.

Ценны наблюдения диссертанта по экономическим факторам развития Н.Новгорода и его земель, с акцентом на такую отрасль как рыболовство. Однако, возникает вполне закономерный вопрос: если земледелие на этих территориях не могло обеспечить продуктами сельского хозяйства население края, а развитие Н.Новгорода опережало развитие сельской агломерации (дисс. С. 95), тогда чем же это компенсировалось? Если здесь основную роль играла волжская торговля (раздел 2.5.2) (дисс. С. 96 и сл.), то есть ли свидетельства, подтверждающие торговлю продовольствием ордынскими купцами по отношению к населению

Нижегородских земель? Или продукты сельского хозяйства поступали из русских земель. Сказывался ли климат, очень неустойчивый в XIV – XV вв. на эту проблему?

Третья глава посвящена освещению политической и социально-экономической истории Нижегородского края в XIV – XV вв., в основном, по письменным источникам, что существенно дополняет археологический контент и создает фундаментальное понимание событийной части исследования. Тщательный анализ имевшихся точек зрения историков, критическое исследование самих летописных текстов делает анализ данных, проведенных Н.Н. Грибовым, по истории Н.Новгорода в первой половине XV в. в свете проблемы «Старого» и «Нового» (меньшого) Н. Новгорода убедительным и доказательным, как и сделанная им реконструкция событий 1444 – 1445 гг. Гипотезу о наличии еще одного археологического памятника – Н.Новгорода меньшого или Нового – резиденции московской администрации, относящегося к середине – второй половине XV в., расположенного в то время вверх по течению Оки от средневекового Старого Н. Новгорода, стоит признать интересной и перспективной, особенно в контексте различных версий о городище – предшественнике Н.Новгорода домонгольского (дисс. С. 150,151 и сл.) и, по мнению, Н.Н. Грибова, его археологической привязке - «Селищу Городок» в черте современного города в районе Красных оврагов (дисс. С. 171-174,176). Археологические материалы с этого памятника рассмотрены в следующей, четвертой, главе.

Четвертая глава посвящена археологическим доказательствам локализации Н. Новгорода Нового. Приведенные данные, включая стратиграфическую ситуацию, выявленные объекты и вещевой материал, убедительны и детально представлены в этом разделе диссертации. Датировочные находки-«хроноиндикаторы» это монеты и образцы белоглиняной посуды (дисс. С. 191, 192, табл. 4), позволили определить

временные рамки вещевого комплекса: середина 30-х гг. – начало 60-х гг. XV в. – начало XVI в. (дисс. С. 194). Для систематизации автор выбрал функциональный признак, который *«должен максимально способствовать формированию целостного представления о занятиях местных жителей, особенностях их быта, внешнего облика, то есть, всего того, что может способствовать в установлении социального статуса рассматриваемого поселения»* (дисс. С. 195).

Методика вполне приемлемая, учитывая, задачу, которую ставил перед собой автор диссертации, хотя традиционная группировка на отделы, виды и типы тоже была бы здесь уместна. Хорошо было бы дополнить описание предметов характеристиками их размеров (они присутствуют только при описании некоторых категорий изделий (дисс. С. 209)). Важен разбор нумизматических находок из раскопов (раздел 4.4), поскольку он дает представление о денежном обращении в Городке и выводы более высокого порядка, например, о вхождении местного рынка в сферу влияния московской экономики (дисс. С. 235). Далее представлен анализ керамической посуды, по той же методике, что и ранее в диссертации. Наблюдения, сделанные Николаем Николаевичем по керамическому материалу (дисс. С. 263, 266) убедительны и аргументированы.

В пятой рассматриваются археологические материалы этого периода, как в самом П. Новгороде, так и в округе. Узость хронологических рамок – по сути речь идет о 50-и – 60-ти годах, делает эту проблему весьма сложной. Основным датированным материалам на селищах является та часть керамики, которая однотипна с находками с Городка. На некоторых памятниках имеются и другие датированные артефакты, например, кресты-тельники, правда с несколько большим диапазоном бытования.

Период начала XVI в. для П. Новгорода и нижегородских земель – время правления Ивана III, – достаточно хорошо отражен в письменных источниках, что детально рассматривается в диссертации, предшествуя

реконструкции происходивших в этот период событий. Автору удалось установить интересные детали этих событий, связанные с Н. Новгородом (дисс. С. 280). Основной акцент в главе сделан на письменных источниках. Археологические данные призваны были определить документальные свидетельства о функционировании города и его социально-экономического статуса в середине – второй половине XV в. Они рассмотрены в разделе 5.4. Автор вновь вернулся к проблеме интерпретации Горodka как археологического объекта (дисс. С. 295-296), хотя, многие вопросы были рассмотрены ранее. Цель этого сюжета обобщить приведенные данные в контексте как городской истории, так и исторической канвы того времени, отраженного в письменных источниках.

Перечисляя социальные группы населения Горodka П.П. Грибов упоминает военных, а среди гражданского населения – ремесленников, представителей нерусского населения, а по возрастным и половым определениям: женщин, детей (дисс. С. 299). Эти данные позволили Николаю Николаевичу сделать вывод об особом статусе жителей Горodka, что подтвердилось и заключениями о его фортификации. Также, по мнению П.П. Грибова, факт инородного влияния в облике материальной культуры Горodka подтверждается нарушением ее последовательного развития. Это строится на сравнительном анализе материалов близко расположенных памятников – кремля Н. Новгорода и Горodka. В качестве аналогии сопоставителем приведены сведения по аналогичным Городку памятникам Пермского Прикамья (дисс. С. 305).

Суммируя все полученные данные П.П. Грибов делает вывод, что Городок являлся крепостью-осадой, необходимый для размещения служилых московских людей. Возник он в середине – 2-й половине 30-х гг. XV в., а его существование нашло отражение в летописных сообщениях, где он был именован как Нижний Новгород меньшей или Новый (дисс. С. 305-307).

Логическим продолжением этого сюжета является обращение к теме Нижегородского кремля, как уже кирпично-каменной крепости. Используя письменные сведения о дате начала строительства, автор утверждает, что несмотря на разночтения, распоряжение о закладке кремля было сделано Василием III весной 1508 г., а начало строительства – в сентябре 1509 г., даже определена точная дата – 1 сентября 1509 г. по старому стилю (дисс. С. 322, 323), уже после сожжения Н. Новгорода Нового в 1505 г. Мухаммедом-Эмином (дисс. С. 324).

В **Заключении** подводятся итоги исследования. Отметим, что Н.Н. Грибовым раскрыты все задачи исследования, выводы подтверждают пункты гипотезы, сформулированной в начале изучения темы. Стоит подчеркнуть, что автор смог убедительно доказать существование двух Н. Новгородов середины XV в. – Старого и Нового (малого) (дисс. С. 326, 327).

Николаем Николаевичем Грибовым проделана огромная работа, связанная с анализом как археологического, так и исторического материала, выполненная скрупулезно и тщательно, в соответствии с методикой, принятой в исследованиях этих источников, охватывающая большой хронологический промежуток времени – от XIII до XVI в., в ключевые моменты истории Российского государства.

При всем этом, стоит обратить внимание на следующие моменты. Во Введении в пункте методология описываются методы, использованные автором, но не методология: *«В основу методологической стратегии, кроме принципов общенаучных и главных принципов исторической науки, положены два методических подхода»* (дисс. С. 14). Хорошо бы уточнить по сути – какая методология положена в основу исследования?

История исследований разделена автором по территориальному принципу – изучение Н. Новгорода и Нижегородской земли. Это позволяет последовательно следовать за логикой исследования, но в тоже время эти

сюжеты несколько выбиваются из периодизации археологического изучения П. Новгорода и существуют как-бы самостоятельно, а иногда находятся в противоречии с предыдущим очерком по истории изучения города. Логичнее было бы сделать общий очерк истории археологического изучения и города и Нижегородской земли по главам, там, где в этом есть необходимость, например, историографический сюжет отражен в разделе 3.1.1 третьей главы (дисс. С. 105 и сл.).

Логические связки не всегда четко прописаны, например, в разделе 1.1.1, после описания ландшафта региона сразу идет анализ данных письменных источников по реконструкции городской топографии по Писцовой книге XVII в. (дисс. С. 21). Тогда здесь было бы уместно сказать и о ландшафте территории самого города, хотя особенности рельефа местности вскользь упоминаются автором в этой части текста.

При характеристике памятников Нижегородской земли нужно было в большей степени коснуться археологических материалов Городца на Волге, в какой-то степени, предшественника Нижнего Новгорода, исследованного раскопками во второй половине XX в., и в начале XXI в. С Городцом на Волге связано немало исторических событий XIII в., что отмечено диссертантом. Роль этого города была Е.Н. Грибовым отмечена особо (дисс. С. 65-66), в тексте в различных разделах используются данные по этому памятнику (дисс. С. 99).

Неверным является утверждение автора, что «до начала XIV в. временной резиденцией ханов Золотой Орды служил г. Болгар – ближайший к Нижнему Новгороду город на Средней Волге» (дисс. С. 65). Болгар эту функцию выполнял с середины 1240-х гг. до 1250 г., когда монгольская ставка была перенесена на Нижнюю Волгу, где строились новые монгольские города. При этом, в 1240-х гг. кочевая ставка Бату располагалась рядом с городом Болгаром. В самом городе монгольские

предводители не жили. Эта традиция долгое время сохранялась и на Нижней Волге.

Описывая период конца XIV в. можно было бы упомянуть и 1370 г. (в тексте есть только упоминание «однодневной войны» 1376 г. – дисс. С. 73), когда события, связанные с Н. Новгородом и Болгаром, ярко продемонстрировали как взаимоотношения нижегородско-суздальских князей с ханами Золотой Орды, так и с правителями Булгара.

В вопросах экономических предпосылок развития Нижнего Новгорода и территории княжества (раздел 2.5) мне кажется не вполне учтен фактор влияния кочевого населения Золотой Орды, присутствовавший в соседней Булгарской области и активно проявившийся в событиях конца XIV – начала XV в истории самого Н.Новгорода и княжества в целом – т.н. «Татарская земля» и татарские контингенты, призывавшиеся нижегородскими князьями в союзники.

Не нашло отражения в диссертации и трагическое событие второй половины XIV - XV вв. охватившее, по сути, всю Евразию – пандемия чумы. В 1355 – 1356 гг. она свирепствовала в Поволжье и в центральных районах Московского и Нижегородского княжеств. Конечно, проследить археологически это явление не просто, и такие данные на материалах Булгарской области Золотой Орды появились относительно недавно, но можно сказать, что именно Среднее Поволжье было очагом этой пандемии на ранней стадии распространения эпидемии на Запад. Чума, скорее всего, оказала влияние в этот период и на демографию, и на поселенческую структуру как в Казанском, так и в Нижегородском Поволжье.

С пандемией чумы, на наш взгляд, (помимо политических событий) непосредственно связаны и перемещения поздних ордынских кочевников (татар) в меридиональном направлении с низовой Волги к Булгару, активизировавшиеся в 1380-х гг. в период правления Тохтамыша. Вслед за

чем последовало формирование здесь в 1390-х гг. их локальных анклавов – орд царевичей Талыча и Ептяка, принимавших живое участие в событиях, связанных с Нижним Новгородом и Москвой (дисс. С. 111, 112). Согласно летописи, зимники татар в конце XIV в. располагались в пределах Булгарского княжества, разгромленные в 1376 г. нижегородско-московским войском. Также с ними связана и «Татарская земля», в пограничье леса и степи, вероятно, западнее Булгара.

Изложенные выше замечания ни в коей мере не умаляют значимости проделанного Н.Н. Грибовым исследования.

Материалы и выводы диссертации могут быть использованы при составлении учебных курсов для студентов исторических факультетов, в научной и просветительской работе, а также в музейной деятельности.

Автореферат отражает основное содержание диссертации и его структуру, а также соответствует ее содержанию. Главные положения диссертации были изложены в 69 публикациях автора, из которых, в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК – 16 статей и в одной фундаментальной монографии.

Диссертация Николая Николаевича Грибова «Нижний Новгород и его округа во время формирования единого Русского государства», представленная на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.3. «Археология», содержит решение масштабной научной проблемы, связанной с формированием единого русского государства в XV – XVI вв., полностью соответствует по своему содержанию и научной значимости всем требованиям, установленным пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», предъявляемым к докторским диссертациям, а также критериям паспорта специальности 5.6.3. Археология (исторические науки).

Вышесказанное позволяет мне ходатайствовать перед Диссертационным советом 24.1.031.01 (Д002.007.01) Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии Российской академии наук о присуждении Грибову Николаю Николаевичу искомой ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.3. Археология (исторические науки).

Официальный оппонент
профессор кафедры искусствоведения, живописи и графики факультета инноваций и традиций народной художественной культуры Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Казанский государственный институт культуры», доктор исторических наук, профессор

04.09.2023

К.А. Руденко

ФГБОУ ВО Казанский государственный институт культуры 420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 3; раб. тел. 8(843) 277-58-36; E-mail: info@kazgik.ru, kazgik.ru.

